

Левитов Александр Иванович

**Московские норы и
трущобы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович Л.**
Московские норы и трущобы / Левитов Александр Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 580 с.

ISBN 978-5-519-92808-3

ISBN 978-5-519-92808-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МОСКОВСКІЯ «КОМНАТЫ СНЕБПЛЮ».

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Растрепанно и сумрачно какъ-то высматриваютъ на Божій свѣтъ дома, въ которыхъ есть эти, такъ называемыя, *комнаты снебилю*. Лучшіе дни молодыхъ годовъ моихъ безвозвратно прожиты мною въ этихъ тайныхъ вертепахъ, гдѣ пріючается, какъ можетъ, пугливая бѣдность.

Безкопечно длинною вереницей возникаютъ въ головѣ моей воспоминанія о разныхъ рѣшительно неестественныхъ столкновеніяхъ съ совершенно невѣроятными характерами, когда я случайно увижу на воротахъ какого-нибудь высокаго дома билетъ съ уродливой подписью: *сдѣсь одаюца комнаты снебилю*.

Какимъ-то странно-болѣзненнымъ чувствомъ прохватывается все существо мое, когда я увижу, какъ бьется и трепещетъ на вѣтрѣ доску съ сѣрой, грязной бумагой, нелѣпо примазанный къ воротному столбу мякишемъ

чернаго хлѣба, потому что передъ глазами моими вытягивается тогда несчастная шеренга бездомовныхъ людей, которые самою судьбою, кажется, осуждены на вѣчное скитанье по этимъ *комнатамъ снѣбилью*, рекомендуемымъ сѣрымъ лоскутомъ.

И при видѣ бѣдныхъ людей этихъ—сотоварищей печальнаго пути моего по бурному, если не смѣшно такъ выразиться, морю житейскому, живѣе чувствуется мнѣ мое прошлое горе, глубже западаютъ въ душу настоящія невзгоды и нужды, потому что грустно размышляю я въ это время о безконечномъ рядѣ справедливыхъ, жизненныхъ драмъ, обыкновенно разыгрывающихся въ этихъ комнатахъ на страшную тѣму о гибели молодой, энергичной жизни, разбитой нуждою желѣзною.

«Братъ мой!» слышится мнѣ мягкій голосъ юноши, съ которымъ, въ пылу молодыхъ мечтаній о великомъ и добромъ трудѣ жизненномъ, побратались мы на жизнь и на смерть: «и въ этой радости, чтобы былъ ты при смерти моей, мнѣ отказалъ Богъ!»

Страшной, томительной мукой наполняютъ душу мою слова эти, потому что на великое несчастье мое, такъ ясно, такъ осязательно представляется мнѣ въ это время, прекрасная жизнь въ тяжелой борьбѣ съ мучительной смертью,—и не могу я тогда дать себѣ отчета въ томъ, для чего существовала эта жизнь, зачѣмъ она, жаждавшая счастья и дѣятельности, такъ долго и такъ тяжело страдала, и наконецъ зачѣмъ она, не выдержавши этихъ страданій, такъ видимо-незаконно умираетъ теперь въ глазахъ моихъ, непримиренная съ грубостью жизни ни

однимъ словомъ утѣшенія, ни малѣйшимъ признакомъ участія людскаго?..

И другой образъ, граціозный и свѣтлый, возстаетъ предо мной. Какъ и въ прежнее счастливое время, безпечальный и наивный, шутливо лепечетъ онъ мнѣ о вѣчной разлукѣ съ дорогимъ человѣкомъ.

«Ахъ, сосѣдъ! говоритъ мнѣ милый голосъ. Какъ онъ умиралъ страшно, сказать не могу. Вѣдь знаете вы, какой онъ всегда смирный былъ да веселый; а тутъ, ахъ! вспомнить ужасно, зеленый, зеленый весь одѣлся, ровно трава вешняя, и какъ же бранился онъ страшно, зубами какъ скрежеталъ!.. Одна я только усмирять его немного могла. Положу, бывало, руку къ нему на лобъ и смотрю на него,—онъ, какъ будто и покойнѣе станетъ. Вижу я такъ-то, что ужъ немного ему жить остается и говорю: «Ты бы, говорю, роднымъ что-нибудь написалъ». — «Да, точно! говоритъ, написать пужно. Напиши, говоритъ, ты повѣстку такую общую и роднымъ, и знакомымъ моимъ, что, дескать, родственникъ вашъ, или пріятель такой-то, (знаешь, говоритъ, какъ на балъ приглашаютъ!) умирая изъясляетъ свое крайнее сожалѣніе, что не можетъ онъ вамъ на прощаньи всѣмъ въ глаза плюнуть!.. Покорнѣйше проси ихъ извинить меня на этотъ разъ: силъ, скажи, не было»... Долго онъ тутъ смѣялся, отвернувшись и отъ меня къ стѣнѣ; съ тѣмъ и умеръ.—А за нимъ и меня отнесли. Не могла я жить безъ него, — тоска страшная очень мнѣ грудь надсадила. Вотъ и платье, въ которомъ меня схоронили. Прелесть, что за-платье

*

такое! Бѣлое-бѣлое, какъ кипень», съ улыбкой лепечетъ дѣвушка, употребляя слово своей далекой родины. «Жаль не было васъ: голову мнѣ въ это время убрали цвѣтами, и подушку, и гробъ, все завалили цвѣтами (педороги цвѣты были тогда, весной я умираю), и песни меня всѣ наши дѣвушки. Вы ихъ всѣхъ знаете: тѣ, съ которыми я на одно мѣсто работала,—онѣ всѣ при васъ бывали у меня. Ахъ! помните вы, какъ намъ весело было? Хозяйка-то насъ распугивала какъ, помните? «Деньги, говоритъ, «подавайте: первое число подошло». Не могу безъ смѣха вспомнить этой хозяйки: совсѣмъ у ней мужчинская борода была, и голосъ толстый такой. Я всегда думала, что она меня съѣстъ, когда, бывало, не достанешь ей денегъ къ первому числу. Ну, прощай, сосѣдъ! Я улечу сейчасъ,—я летаю нынѣ—вотъ посмотрите.»

И дѣйствительно, словно бѣлый голубь, то взвивалась она въ далекое поднебесье, то снова спускалась ко мнѣ, порхая предъ глазами моими какою-то невиданною птицей и чаруя меня своей милой улыбкой, съ которою она показывала мнѣ недавно пріобрѣтенное умѣнье летать.

«Што тѣ кому, што-ль падать?» рычитъ недавно пріѣхавшій изъ самаго степнаго села дворникъ, злой отъ вчерашняго похмѣлья, суровый и всклокоченный по природѣ. «Въ четверто крыльцо на третій этажъ по коридору ступай, тамъ тѣ комла и будетъ».

Испугался милый призракъ суроваго голоса и улетѣлъ на небо, а мрачный домъ, по прежнему, мрачно

и неустанно смотреть на улицу своими безчисленными окнами, сторожить, должно быть, чтобы не вылетѣли несчастныя птицы, за-живо погребенныя въ его душенныхъ клѣткахъ; и грязный билетъ тоже, по прежнему бьется и трепещетъ на вѣтрѣ своими двумя отклеившимися углами, останавливая на себѣ вниманіе прохождящихъ.

«Ты тамъ Татьяну-съемщицу спроси! продолжаетъ дворникъ, такъ, т. е., Татьяну и спрашивай «гдѣ, молъ, тутотка Татьяна живетъ?» А какъ, примѣромъ, Татьяна тебѣ скажется, ты и скажи ей: «гдѣ молъ, у тебя комла тутъ порожняя есть? Дворникъ, молъ, къ тебѣ спосылалъ меня.»

Обыкновенно я не пользуюсь въ это время указаніями дворника. Я иду дальше отъ него и отъ дома, потому что оба они тогда кажутся мнѣ въ одинаковой степени деревянными.

«Ишь ты попёръ какъ! рычитъ дворникъ. Безпремѣнно сдуть что-нибудь поровилъ. Што это за-шельма пародъ въ Москвѣ, братцы мои. Такъ, т. е., и поровить къ тебѣ съ сапогами со всёмъ въ ротъ залѣзть!..»

II.

СЪЕМЩИЦЫ.

Самый рельефный и красивый орнаментъ *комнатъ снебилью*—это Татьяна, съемщицы комнатъ, главныя жизненныя цѣли которыхъ, по преимуществу, заключаются въ томъ, чтобы вынудить себѣ отъ своихъ жильцовъ и отъ приходящихъ къ нимъ гостей почетный титулъ мадамы,—и Лукеры, лица неизбѣжно кухарствующія въ комнатахъ. Эти два божка обладаютъ почти одинаковой силой, дающей имъ всѣ возможности, или разбивать наказательнымъ громомъ и сожигающей молніей тѣ несчастныя существа, которыя отдались ихъ командѣ, или обливать ихъ горемычныя головы до безконечной пошлости надождающимъ дождемъ своихъ безобразныхъ благодѣяній, судя потому, на сколько несчастныя существа, командуемыя ими, надѣлены благодѣтельной природой способностями пріобрѣтать себѣ благорасположеніе, или обратное чувство со стороны Татьянъ и Лукерій.

Оба эти въ высокой степени интересные субъекты

одинаково подарены Москвѣ и вообще всѣмъ большимъ городамъ тульскими, коломенскими и, большею частію, ярославскими подгородными слободами. Такъ, молодой солдаткѣ придется не втерпежъ отъ нападковъ мужниной семьи, или, когда, такъ называемая, ухорь-баба наскучить носить красные платки отъ своихъ деревенскихъ ребятъ, — сейчасъ же они раннимъ утромъ соберутъ свои пожитки въ одинъ большой холстинный мѣшокъ, взвалятъ его на крѣпкія плечи и, много не разговаривая, отправляются въ столицу искать между новыми людьми новыхъ работъ и счастья.

При началѣ своей карьеры, начинающейся обыкновенно съ кухарки у какого-нибудь купца третьей руки, баба неизбѣжно дурѣетъ при видѣ этой всегдашней суетни столичной жизни, которая даже и въ самыхъ тихихъ своихъ омутахъ всегда слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, дотолѣ исключительно смотрѣвшіе на однѣ зеленыя деревья и травы, такъ густо опушающія тихія, деревенскія улицы. Долгое время съ крайне-безцѣльно, но вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно выпученными глазами всматривается баба въ непривычныя жизненные явленія той области, въ которую занесла ее ея лошадиная судьба и не мало, по ея словамъ, издивляется этимъ явленіямъ. Долго она, какъ дубокъ, пересаженный съ одной почвы на другую, гнется во всѣ стороны, поставленная въ необходимость болѣть отъ той такъ жирно намасленой каши, которою купеческіе дома имѣютъ необузданность начинять свою прислугу. Нанутившись съ азартомъ голоднаго сельскаго человѣка на эту на-

ціональную сласть, поджаристость которой такъ ясно наложена обильными поливаніями хозяйскаго масла, баба тѣмъ скуснѣе слизываетъ съ ложки горы лакомаго снадобья, что за обѣдомъ вмѣсто угрюмыхъ, изработавшихся лицъ своихъ семейскихъ мужиковъ, она видитъ разухабистыхъ Захаровъ въ красныхъ рубахахъ, съ блестящими серьгами въ лѣвыхъ ушахъ, — веселыхъ Захаровъ, непремѣнно довольныхъ и собою и хозяйскою кашей, съ глазами, лукаво прищуренными на новую стряпуху, съ бойкой, вырывающей изъ компаніи волны хохота, поговоркой:

«Лей кубышка, поливай кубышка!
Не жалѣй хозяйскаго добришка!»

выкрикиваетъ удалой Захаръ, любезно знакомясь съ новой сосѣдкой, посредствомъ ошарашиванія ее въ бокъ локтемъ.

«Что, спрашиваетъ онъ ее при этомъ знаменательномъ поталкиваніи, приуныла? Аль бы насъ, молодцовъ, не влюбила? Аль хозяйское добро въ ротъ нейдетъ? Свыкнется, слюбится, стерпится, — на веселье печаль наша смѣнится. Будемъ мы съ тобой жить-поживать, добра наживать, да въ кабакъ его на сладкомъ винцѣ пропивать. А ты молодецкую рѣчь слушать-то слушай, а сама не зѣвай; видишь, каша-то вся ужъ!..»

«Будетъ тебѣ, чортъ, шутки-то шутить!» говорятъ Захару сосѣди. «Напугаешь ты бабу-то ими. Видишь, не привыкла еще къ нашимъ порядкамъ».

Осмотрѣвшись, Татьяна дѣйствительно видитъ, что каша уже вся въ самомъ дѣлѣ, но ее ни сколько не

печалить это обстоятельство. Ее до того ошеломили жирные щи и жириѣйшая солонина, съ слабымъ подобіемъ которой она во все продолженіе своей сельской жизни знакомилась только по Рождествамъ да по Святѣмъ, что Татьяна едва на столько можетъ работать своей побѣдной головою, чтобы хоть немного удивиться складнымъ разговорамъ шутливаго сосѣда. Неудержно клонить ее къ сладкому сну въ первый разъ попробованная купецкая трапеза, — лупить баба свои большіе сѣрые глаза, стараясь не показаться соней, лупить и ничего не видитъ, прислушивается ко всему самымъ внимательнымъ манеромъ и ничего не слышитъ.

«Что ты, словно идолъ какой, изъ стороны въ сторону мечешься, а настоящаго дѣла не дѣлаешь, дура ты эдакая деревенская, неповитая! кричить на нее грозный хозяйскій голосъ. Ну куда тебя черти несутъ? Я тебѣ велѣлъ самоваръ ставить, а тебя шуты-то въ погребницу поволокли!»

«О Господи! потихоньку творить молитву сельская дура въ своемъ сонномъ бодрствованіи. Ничего-то я, грѣшная, не слышу. Вотъ они враги-то гдѣ сильные! Не то, что по селамъ...»

Наконецъ оставшійся отъ хозяевъ чай прогоняетъ сонъ кухарки вмѣстѣ съ ея тревожными мыслями. Только въ окнѣ неустанно жужжащія мухи чуть-чуть замѣтно нарушаютъ ту несмущавшую тишину, которая обыкновенно царствуетъ по купеческимъ кухнямъ въ послѣобѣденное время. Захары все до одного человѣка разошлись, какъ они говорятъ, по своимъ обязанностямъ,

хозяйское семейство непробудно спитъ въ прохладныхъ хоромѣхъ.

«Ничего въ городѣ жисть-то!» думаетъ про себя Татьяна, свободно припоминая въ этой тишинѣ, что, если первый день ея службы принесъ ей нѣкоторое огорченіе, за то онъ принесъ ей и наслажденія, которыхъ она никогда не испытала въ своей убогой, сельской жизни.

Вертить баба передъ жадными глазами кусокъ сахару, и любуясь имъ, съ великимъ удовольствіемъ прощаетъ городскому дню искушенія и нападки, которыми на первый разъ онъ такъ смутилъ простую сельскую душу.

«Запужалась я давеча не кстати съ непривычки-то!» развиваетъ Татьяна свою безмолвную думу. «Въ этомъ раю не жить, такъ гдѣ-же и жить?» И послѣ этого вопроса живо вспоминается ей и завтракъ изъ пшенной каши, вареной на молокѣ, въ которомъ плавало коровье масло за первый сортъ, и жирный обѣдъ съ ухорскими приговорками Захара и настоящій чай. «Бывало, поглядишь только на сахаръ-то, какъ онъ, ровно ранній снѣгъ, бѣлѣлся въ рукахъ у поповенъ да у дворовыхъ, когда они чай пьютъ; а теперича на-ка-съ! Въ очью у меня сахаръ-то. Захочу сейчасъ весь кусокъ сгрызу, а захочу, по-немножечку сосать буду. Что это за сласть такую придумалъ народъ! Толкуютъ по деревнямъ: изъ нѣмецкой земли его возятъ; тамъ его, говорятъ, изъ собачьихъ костей дѣлаютъ. Ну, да ничего. Пушай себѣ изъ собачьихъ, — окромя какъ одной сласти никакихъ въ немъ костей я не вижу. Полагать надо, врутъ все